

беллетристике, и в публицистических произведениях», потому что видел в нем «значимую причину нетерпимости, ханжества и суеверия».⁴¹ Однако немаловажным фактором стал и опыт писателя по рецензированию книг «для народа» в особом отделе Ученого комитета Министерства народного просвещения. Не находя достойных образцов «учительного жанра» в том потоке сочинений, который рассматривался в комитете, писатель попытался по мере своих возможностей исправить эту ситуацию.

Дальнейшая судьба «Зеркала...» также заслуживает внимания. В составленной П. В. Быковым в 1889 году библиографии сочинений Лескова есть указание на книжку 1879 года и сохранена имеющаяся во всех трех переизданиях оговорка: «Со старинного, на ново пересмотрел и издал Н. Л.».⁴² Кроме того, Быков приводит библиографические сведения о других брошюрах, составленных и изданных Лесковым: «Пророчества о Мессии, выбранные из Псалтыри и пророческих книг Святой Библии» (1878), «Указка к книге Нового Завета» (1879), «Изборник отеческих мнений о важности Священного Писания» (1881).⁴³

Наконец, в 1890 году вышло в свет четвертое издание «Зеркала...». В нем на титульном листе Лесков впервые был обозначен как автор, а не редактор. Что послужило тому причиной, можно лишь предполагать, но, скорее всего, сам Лесков в его появлении участия не принимал. Через десятилетие, в 1900 году, вышло в свет пятое издание в типографии А. Д. Ступина, с той же ошибкой.

В 2014 году Орловский издательский дом «Орлик» снова напечатал книгу, неправомерно указав Лескова ее автором. Кроме того, редактор книги поставил перед собой цель распространить ее максимально широко — продавая и раздавая в монастырях, что вряд ли соответствует замыслу писателя — внушить основы христианской нравственности простонародному читателю.

⁴¹ «Il voit dans l'ignorance religieuse, qu'il stigmatise dans son œuvre littéraire comme dans ses écrits journalistiques, la grande responsable de l'intolérance, de la bigoterie et de la superstition» (*Muller de Morogues I. N. S. Leskov: propagandiste religieux et critique de littérature édifiante // Cahiers du monde russe: Russie, Empire russe, Union soviétique, États indépendants*. 1996. Vol. 37. № 4 (oct.—déc.). P. 382).

⁴² Библиография сочинений Николая Семеновича Лескова с начала его литературной деятельности — 1860 г. по 1887 г. (включительно) / Сост. П. В. Быков. СПб., 1889. С. 18.

⁴³ Возможно, в этот же список должны быть включены «Молитвенные возношения к Богу св. отца нашего Кирилла Туровского. Литературный памятник XII века» (1876) — подробнее см.: *Muller de Morogues I. N. S. Leskov: propagandiste religieux et critique de littérature édifiante*. P. 383—384, 392; Русские писатели. 1800—1917: Библиографический словарь. М., 1994. Т. 3. С. 345; Макаревич О. В. К вопросу об издании Н. С. Лесковым молитв Кирилла Туровского // Летняя школа по русской литературе. 2015. Т. 11. № 1. С. 82—104.

DOI: 10.31860/0131-6095-2018-4-91-96

© И. В. Аршинова

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК В «ТРУДАХ АНГЛО-РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ОБЩЕСТВА»*

История Англо-русского литературного общества (The Anglo-Russian Literary Society), без сомнения, принадлежит к числу малоизученных страниц русско-английских литературных взаимосвязей. Основанное в Лондоне в 1893 году Э. А. Ка-

* Исследование подготовлено при поддержке проекта РНФ № 14-18-01970 «Создание международного научно-информационного портала „Документальное наследие русской литературы: источники и исследования“».

залетом (Edward A. Cazalet; 1836—1923), оно просуществовало вплоть до начала 1930-х годов, будучи порождением, свидетелем и свидетельством небывалого интереса англичан к русской культуре. Собирая в свои ряды многих видных представителей России и Великобритании той поры, Общество постепенно заручилось официальным покровительством сначала цесаревича, а затем императора Николая II и его супруги, герцога и герцогини Саксен-Кобург-Готских и Эдинбургских,¹ великого князя Константина Константиновича (К. Р.). Общество проводило ежемесячные собрания в стенах Имперского института в Лондоне,² слушало и обсуждало сообщения на английском и русском языках самой широкой тематики, так или иначе касающейся англо-русских отношений, и издавало в среднем три раза в год (по итогам работы за каждые три месяца с перерывом на август—сентябрь и впоследствии октябрь) «Труды» («Proceedings»), с 1893 по 1920 год, где помимо текстов представленных докладов публиковались многочисленные заметки критического и реферативного характера. В начале каждого выпуска «Трудов» помещались пять «целей», две из которых приведем как наиболее репрезентативные. Первая — «способствовать изучению русского языка и литературы» («To promote the study of the Russian Language and Literature»); здесь и далее пер. с англ. мой. — И. А.). Вторая — «способствовать дружественным отношениям Великобритании и России» («To promote friendly relations between Great Britain and Russia»).

Возникшее в эпоху все возрастающего интереса к русской литературе, в первую очередь к творчеству И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, а затем и Ф. М. Достоевского, Англо-русское литературное общество значительную долю своего внимания уделило осмыслению и обсуждению русской литературы XIX века и тяготеющим к ней авторам рубежа веков. Пути же, которыми на страницы «Трудов» проникали современные Обществу поэзия и проза русского Серебряного века, а также формы их репрезентации были непросты и довольно разнообразны. На двух примерах из одновременных текстов «Трудов» мы и рассмотрим данную проблему.

* * *

Имена поэтов-символистов впервые появляются на страницах «Трудов Англо-русского литературного общества» в № 16 за ноябрь—декабрь 1896 и январь 1897 годов в докладе/статье «Беглый обзор русской литературы за 1896 год» за авторством некоего L. de Bogdanovich.³ Под этой подписью, несколько изменяющей настоящее имя автора, скрывался писатель, журналист, литературный критик Лев Алексеевич Богданович (1860 — не ранее 1913), который, по-видимому, не просто выслал текст доклада в Общество для прочтения на одном из заседаний и публикаций в «Трудах», как иногда поступали живущие далеко от Лондона авторы, но лично выступил перед членами Общества со своим сообщением — и по-русски (на данное обстоятельство указывает тот факт, что в печатной версии доклада сразу под именем автора стоит имя активного участника Общества Ф. П. Марчента (F. P. Marchant) — как переводчика текста на английский язык).

Выступление (устное и печатное) перед Обществом не было ни первым, ни последним опытом Богдановича как посредника между русской и английской куль-

¹ Великая княжна Мария Александровна (1853—1920), единственная дочь Александра II, была выдана замуж за сына королевы Виктории Альфреда (1844—1900). Титулатура супругов несколько различалась (что отражено и в их именовании в списке патронов Общества): Альфред — Его Королевское Высочество герцог Саксен-Кобург-Готский и Эдинбургский, Мария — Ее Королевское и Императорское Высочество (Her Royal and Imperial Highness) герцогиня Саксен-Кобург-Готская и Эдинбургская.

² Имперский институт (the Imperial Institute, 1893—1958) — учреждение, созданное в Лондоне во времена правления королевы Виктории для демонстрации и изучения достижений промышленности, торговли и искусств британских колоний.

³ Bogdanovich L. de. A Cursory Review of the Russian Literature for the year 1896 // The Anglo-Russian Literary Society. Proceedings. 1896/1897. № 16. Nov. — Jan. P. 49—65.

турами. Его перу принадлежит, среди прочего, ряд очерков об Англии (например, брошюра «Джон Рескин. Апостол религии красоты» (М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1900)), а также обзор текущей русской литературы для влиятельного британского журнала «The Athenaeum» (1897). Последний факт литературно-критической карьеры Богдановича в рамках нашей темы заслуживает отдельного рассмотрения.

Как известно, еженедельник «The Athenaeum» в одном из июльских номеров публиковал обзоры европейских литератур за прошедший год под общей рубрикой «Континентальная литература». Несколько лет подряд (1891—1896) материал для подраздела «Россия» готовил П. Н. Милюков, с 1898 по 1900 год с журналом по приглашению У. Р. Морфилла сотрудничал К. Д. Бальмонт, а с 1901 года его на этом поприще сменил В. Я. Брюсов, который писал обзоры для «The Athenaeum» в течение последующих пяти лет вплоть до ликвидации рубрики.⁴ Богданович написал для английского еженедельника всего один обзор текущей русской литературы — в 1897 году,⁵ рассмотрев, согласно требованиям редакции, события и тенденции русского литературного процесса с середины 1896-го до середины 1897 года. Таким образом, простое сопоставление дат позволяет понять, что за первое полугодие 1897 года Богданович по меньшей мере дважды высказывался на одну и ту же тему перед, в общем, одной и той же аудиторией — он дважды делал сообщения о состоянии современной русской литературы для английской читающей публики — сначала в Англо-русском литературном обществе, затем в «The Athenaeum». Однако как выборка авторов и произведений для рассмотрения, так и способ подачи и обобщения материала в двух его обзорах существенным образом различаются.

Начиная оба обзора с замечания, что литературная жизнь в России, в отличие от Западной Европы, протекает в основном на страницах периодики, потому что публиковать свои произведения отдельными изданиями могут себе позволить только корифеи или, напротив, дебютанты, Богданович в «The Athenaeum» переходит к пространному анализу философских и социально-политических трудов, во многом проясняющих, с его точки зрения, контекст современного русского литературного процесса, что и занимает у него больше половины и без того не слишком объемного обзора. Возвращаясь к художественной прозе («to belles-lettres, to Russian fiction»), Богданович относительно подробно останавливается только на романе П. Д. Боборыкина «По-другому» и повести А. П. Чехова «Мужики», также упоминает новые сочинения М. Горького, И. Потапенко, К. Головина и др. И хотя Богданович говорит о пессимистических тенденциях в современной русской литературе и даже употребляет слово «упадок» («decay») по отношению к ней, примечательно, что тем не менее во всем обзоре непосредственно о декадентстве и символизме как литературных явлениях не сказано ни единого слова, несмотря на то что имена З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковского и А. Л. Волынского, понятия «новый эстетизм», «новые поэты», а также название «Северный вестник», журнала, который «взял на себя роль представителя русского символизма и декаданта», появились впервые в «The Athenaeum» еще в обзоре предшественника Богдановича П. Н. Милюкова годом ранее, хотя и были им охарактеризованы в целом крайне отрицательно.⁶

⁴ Подробнее об этом см.: Ильёв С. П. 1) Валерий Брюсов и Уильям Морфилл // В. Брюсов и литература конца XIX—XX века. Ставрополь, 1979. С. 90—106; 2) К. Д. Бальмонт — обозреватель русской литературы конца XIX века // А. Блок и основные тенденции развития литературы начала XX века: Блоковский сборник VII. Тарту, 1986. С. 99—112 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та; вып. 735); 3) Русская литература 1898—1899 годов в обзоре Константина Бальмонта // Константин Бальмонт, Марина Цветаева и художественные искания XX века: Межвузовский сб. науч. трудов. Иваново, 1993. С. 35—42; 4) Статья В. Брюсова в «The Athenaeum» // Брюсовские чтения 1971 года. Ереван, 1973. С. 569—579.

⁵ The Athenaeum. 1897. 3 July. № 3636. P. 26—28.

⁶ Milyoukov P. Russia // The Athenaeum. 1896. 4th July. № 3584. P. 25—27. Так, Милюков говорит, что «новый эстетизм» слишком часто оказывается на практике лишь «новой распущенностью в искусстве, морали и политике» («a new licentiousness in art, morals, and politics») (Ibid. P. 27).

Разительно контрастирует с обзором для «The Athenaeum» сделанное полугодом ранее сообщение Богдановича в Англо-русском литературном обществе. Оно не только почти полностью посвящено детальному обсуждению некоторых исключительно литературных событий и фактов, но и включает в себя развернутый отзыв о «Северном вестнике» и Федоре Сологубе.

Сологуба Богданович представляет своей английской аудитории как «самого оригинального из наших восходящих беллетристов» («the most unique of our rising belles-letterists»),⁷ автора «психологических рассказов» «Тени», «Червяк» и «К звездам» и «вдвойне декадентского» («doubly-decadent») романа «Тяжелые сны». Затем Богданович подробно пересказывает сюжет «Теней», отмечая, во-первых, силу мастерства Сологуба, благодаря которому рассказ производит на читателя «ужасное — почти сокрушительное — впечатление»,⁸ и, во-вторых, тот факт, что публика прежде не встречалась с таким глубоким внутренним анализом сумасшествия. Все эти характеристики, которые Богданович дает рассказу, представляя его английскому читателю, свидетельствуют о том, что он стремится вписать его в уже знакомую Англии парадигму восприятия русской литературы как «психологической» и соответственно Сологуба определить как автора, на ином материале продолжающего традиции русской психологической прозы Тургенева, Толстого и Достоевского. Именно этим, представляется, можно объяснить следующее замечание Богдановича после изложения сюжета «Теней»: «Этот рассказ должен считаться болезненно-декадентским («a sickly-decadent one»), но невозможно не заметить талант, который в нем проявился».⁹

Богданович завершает свое сообщение небольшим пассажем о «Северном вестнике». Его оценка этого журнала не так категорична, как у Милюкова, однако находится в том же русле. Признавая, что усиление декадентских тенденций, «рассадником» («hotbed») которых он называет «Северный вестник», составляет важную особенность русского литературного процесса (поэтического и прозаического) последнего года, он тем не менее констатирует: «К счастью, наше декадентство ограничивается „Северным вестником”».¹⁰ Декадентство, по его мнению, «не способно придать подлинную глубину нашей национальной литературе».¹¹

О реакции и оценках аудитории позволяет судить комментарий, традиционно сопровождавший публикацию доклада в «Трудах...». Казалет от имени присутствующих поблагодарил Богдановича за прекрасное сообщение о русском литературном процессе последнего года — предмете «столь мало известном в Англии и столь интересном»¹² — и затем прочитал перевод «сатиры на злобу литературного дня» («a satire on the Literature of the hour»), взятой из московской газеты «Новости дня». Эта ремарка, а также характер пояснений к упоминающимся в пародии именам Потапенко, Гиппиус и Сологуба (Потапенко — «популярный и плодовитый автор, которого ценит Англо-русское литературное общество», а Сологуб и Гиппиус — «два автора „декадентской школы”»¹³) в очередной раз подтверждают то, о чем косвенно и прямо свидетельствует и вся ситуация вокруг этого обзора в целом: в данном случае перед нами, условно говоря, «рецепция до рецепции» Серебряного века. И проблему, которая встает перед авторами и докладчиками Англо-русского литературного общества в связи с тем, что читающая публика не знакома не только с именами, но даже с самим литературным явлением в его своеобразии, мож-

⁷ Bogdanovich L. de. A Cursory Review of the Russian Literature for the year 1896. P. 61.

⁸ «Он воздействует на нервы и сознание читателя подобно ночному кошмару, и если бы не его чисто русский характер («its purely Russian character»), то его можно было бы поставить в один ряд с лучшими рассказами Эдгара По» (Ibid. P. 63).

⁹ Ibid. P. 62.

¹⁰ Ibid. P. 63.

¹¹ Ibid. P. 64.

¹² Ibid. P. 63.

¹³ Ibid. P. 65.

но сформулировать так: каким образом представлять инокультурного автора, с какими привычными понятийными рядами его связывать, чтобы, с одной стороны, сформировать доступный для публики образ этого автора и, с другой — не исказить некой стоящей за ним литературной реальности?

Опыт подобной репрезентации мы находим, например, в № 37 «Трудов...» за май—июль 1903 года в постоянном разделе «Notices and Notes» («Сообщения и заметки»), который, как и прочие, готовился, по утверждению Д. Галтона,¹⁴ самим Казалетом. Здесь встречается заметка под названием «Недавняя русская литература», в которой в одном-двух предложениях рассказывается о новинках и событиях литературной жизни. Одна из них такого содержания: «Бальмонт, талантливый переводчик Шелли (курсив мой. — И. А.), читает лекции в Москве о „новой поэзии“» («Balmont, the able translator of Shelley, lectures at Moscow on „new poetry“»).¹⁵

К 1903 году имя Бальмонта было известно в Англии — однако в весьма узком кругу. В 1897 году по приглашению У. Р. Морфилла, известного слависта, Бальмонт прочел в Оксфорде несколько лекций о русской поэзии,¹⁶ затем, как уже было упомянуто выше, в течение трех лет писал обзоры текущей русской литературы для «The Athenaeum», сменив на этом поприще Богдановича, но если говорить о поэзии Бальмонта, то она для английского читателя была совершенно неизвестна: первые переводы начнут появляться в печати только под конец 1910-х годов. Таким образом, то, что для краткой и емкой характеристики Бальмонта используется именно имя Шелли, первое издание переводов которого Бальмонт закончил в 1899 году, неудивительно.

Особого же комментария заслуживает эпитет «талантливый, способный» («able»). Оставляя в стороне вызванную бальмонтовским переводом бурную полемику в отечественной печати, в том числе и разгромную рецензию К. И. Чуковского 1907 года в символистских «Весах»,¹⁷ отметим существование в английской гуманитарной традиции двух диаметрально противоположных точек зрения на этот перевод, высказанных людьми, оказавшими значительное влияние на реценцию русской литературы в Англии. Хронологически не вполне релевантные для рассматриваемой характеристики, они тем не менее ярко демонстрируют всю потенциальную многозначность и разноплановость оценок в ближнем и дальнем контексте восприятия переводческого проекта Бальмонта на родине Шелли. Первая принадлежит Морфиллу, который неоднократно отзывался о бальмонтовском переводе более чем одобрительно, в том числе и в «Весах» незадолго до Чуковского: «Русским читателям знакомы поэмы Шелли: они введены в число русских книг К. Бальмонтом, в его прекрасных переводах».¹⁸ Резко противоположное мнение высказал Д. П. Святополк-Мирский в примечаниях к «Оксфордской книге русского стиха» (1924). Составляя краткую справку о Бальмонте, Мирский сообщает следующие факты — дату и место рождения и проживания, дату первой публикации и далее: «Он был первый из русских символистов, кто заслужил всеобщее признание и стал любимцем читающей публики. Испытал сильное влияние английской поэзии и перевел на русский своих кумиров, Шелли (скверно) («wretchedly») и Эдгара По (порядочно) («fairly well»)».¹⁹ Мирский и впоследствии не изменил своих взглядов в этом вопросе, и именно такая его оценка нашла отражение во влиятель-

¹⁴ Иногда Казалет привлекал к этому также Ф. П. Марчента. См.: Galton D. The Anglo-Russian Literary Society // The Slavonic and East European Review. 1970. № 111. P. 279.

¹⁵ The Anglo-Russian Literary Society. Proceedings. 1903. № 37. P. 101.

¹⁶ См.: Cross A. G. Konstantin Bal'mont in Oxford in 1897 // Oxford Slavonic Papers. 1979. Vol. 12. P. 104—116.

¹⁷ Чуковский К. И. В защиту Шелли // Веса. 1907. № 3. С. 61—68.

¹⁸ Morfill W. R. [Морфилл У. Р.] Письмо из Англии // Веса. 1904. № 5. С. 31.

¹⁹ Mirsky D. S. Notes // The Oxford Book of Russian Verse / Chosen by the Hon. Maurice Baring. Oxford, 1924. P. 205.

нейшей «Истории русской литературы», где в кратком очерке о Бальмонте встречаются следующие строки: «Полный стихотворный перевод Шелли (выполненный Бальмонтом. — И. А.) особенно плох; напротив, его переводы Эдгара Аллана По вполне приемлемы» («The complete metrical version of Shelley is especially bad; on the contrary, his translations of Edgar Allan Poe are quite acceptable»)²⁰

Что же побудило Казалета, при всей, как мы видим, неочевидности возможной оценки, высказаться благосклонно? Не исключая, разумеется, личных вкусов и предпочтений главы Общества, нельзя, тем не менее, не предположить, что дополнительной мотивировкой было стремление Казалета (и в этом он сроден Морфиллу) приветствовать и поощрять любое свидетельство взаимного интереса русской и английской культур. В подобном контексте колоссальный проект Бальмонта по переводу Шелли на русский язык (остающийся до сих пор самым крупным изданием переводов английского поэта²¹) не мог не быть встречен с самым благосклонным вниманием Обществом, одной из целей которого было укрепление «дружественных отношений между Великобританией и Россией».

* * *

В 1920 году Святополк-Мирский написал Морису Бэрингу о своем желании дебютировать в английской печати с серией эссе, которые он в тот момент готовил, — «о русских писателях, наименее известных» — «и это должно быть написано по-английски».²² Так в «The London Mercury» появились «Русские письма» — два из которых полностью посвящены символистам.²³ Подобный выбор вполне обоснован с культурно-исторической точки зрения — ведь фактически впервые как цельное явление русская поэзия рубежа веков была представлена в Англии всего тремя годами ранее в антологии Пола Селвера «Современная русская поэзия»,²⁴ а настоящему критическому ее осмыслению самим Мирским и было положено начало в «Русских письмах» и затем дано продолжение в работе «Современная русская литература. 1881—1925».²⁵ Первая же попытка включить поэтов Серебряного века в английский канон русской поэзии произошла в 1924 году силами Мориса Бэринга при участии Мирского — в «Оксфордской книге русского стиха», куда наряду с Г. Р. Державиным, И. А. Крыловым, А. С. Пушкиным, М. Ю. Лермонтовым, А. А. Фетом, Ф. И. Тютчевым и др. вошли стихотворения В. С. Соловьева, К. Д. Бальмонта, В. Я. Брюсова, И. А. Бунина, А. А. Блока, М. А. Волошина.²⁶

Таким образом, мы видим, что рассмотренные нами в данной статье примеры из «Трудов Англо-русского литературного общества» относятся даже не к началу английской рецепции русского Серебряного века, а как бы к «затакту» ее. Тем больший интерес представляет изучение такого рода феноменов — поскольку они позволяют проследить *ab ovo* формирование самого языка описания явлений, полноценной рецепции которых еще только предстоит произойти.

²⁰ *Mirsky D. S. A History of Russian Literature. London, 1949. P. 433.*

²¹ *Иванова А. С. К. Д. Бальмонт — переводчик английской литературы. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2007. С. 7.*

²² *Smith G. S. D. S. Mirsky: A Russian-English Life. Oxford, 2000. P. 74.*

²³ С тем, что русский Серебряный век, особенно поэзию, в этот период в Англии практически не знали, соглашались и современные исследователи, см.: *Beasley R. Reading Russian: Russian Studies and the Literary Canon // Russia in Britain 1880—1940. Oxford, 2013. P. 183, 185.*

²⁴ *Selver P. P. Modern Russian Poetry. Texts and translations. London; New York, 1917.*

²⁵ *Mirsky D. S. Modern Russian Literature. London, 1925.*

²⁶ *The Oxford Book of Russian Verse / Chosen by the Hon. Maurice Baring. Oxford, 1924.*